

Владимир Симаков

*БЛОКАДНЫЕ
ДНЕВНИКИ*

Пьесы

Владимир Симаков

Блокадные дневники. Пьесы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29803392

ISBN 9785449044624

Аннотация

Три пьесы, напоминающие о блокаде города на Неве, продолжавшейся девятьсот дней и ночей. О стойкости тех, кто защищал Ленинград от гитлеровских полчищ. О простых людях, переживших голод и холод, артобстрелы и бомбежки!

Содержание

АВГУСТ 1941 ГОДА	5
КАРТИНА I	6
КАРТИНА II	48
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Блокадные дневники

Пьесы

Владимир Симаков

Редактор А. В. Симаков

© Владимир Симаков, 2018

ISBN 978-5-4490-4462-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

АВГУСТ 1941 ГОДА

ПЬЕСА В ДВУХ КАРТИНАХ

Действующие лица:

Иванов Семен Семенович, управдом, 45 лет

Петров Даниил Андреевич, командир РККА, 25 лет

Нина Сергеевна, его жена, 27 лет

Виктор, его пасынок, 9 лет

Татьяна, его сестра, 23 года

Сидоров Макар Васильевич, дворник, 50 лет

Евгения Павловна, его жена, 45 лет

Мария, их дочь, 20 лет

Гулин Ефим Дмитриевич, инженер, 30 лет

Мохов Авдей Игнатьевич, завскладом в/ч, 35 лет

Архипова Антонина Никитична, учитель. 35 лет

Попова Ульяна Захаровна, учитель, 35 лет

Курашова Софья Николаевна, пенсионерка

Женщина – почтальон

Место действия – Ленинград

Время действия – конец августа 1941 года

КАРТИНА I

Сквер возле жилого дома. В сквере скамейки, возле дома куча песка. Окна дома – в перекрестьях бумажных полос. Дверь одного из подъездов завешана объявлениями.

Утро. Трамвайные звонки и скрежет колес на рельсах в отдалении. Песня, перебивающая мотив популярного танго. Из подъездов дома время от времени уходят семейные группы и одиночки с вещами и чемоданами. У двери жилконторы сидит и вяжет Курашова. Сидоров подрезает кусты.

Еще поют про чью-то боль
Неостановленные диски,
А мы прощаемся с тобой,
А мы с тобой уходим в бой:
Над нами свастика нависла...
А жизнь одна, а жизнь одна —
Другой не знаем и не просим,
Но, чтобы к нам пришла весна,
Мы все уходим в эту осень.
Свинцом наполнилась Нева,
Дома стоят как баррикады,
Как форты смотрят острова,
И не нужны уже слова —
Их заглушает канонада.
А жизнь одна, а жизнь одна...
Незащищенно смотрят в мир

Перебинтованные окна,
И в тишину пустых квартир,
И в тишину пустых квартир
Безмолвно входят похоронки.
А жизнь одна, а жизнь одна...
И пусть поют про чью-то боль
И Аргентина, и Гренада,
Но мы должны закрыть собой
И город, данный нам судьбой,
И острова. и баррикады...
Мы выпьем боль свою до дна,
Пройдем осеннее ненастье —
Ведь жизнь одна, судьба одна,
А им нужны весна и счастье.

К у р а ш о в а (Сидорову). Смотрю на вас, Макар Васильевич, – на душе легче становится. Работаете, будто ничего в мире не происходит.

С и д о р о в. Не запускать же сад... Только смотреть на эту благодать некому, да и у оставшихся настроение не то...

К у р а ш о в а. Пустеет дом, пустеет.

С и д о р о в. Мне-то об этом не рассказывайте: сам ежедневно повестки разношу кому в военкомат, кого на окопы призывают, а кто сам в ополчение уходит. И без конца об эвакуации говорят. Слово какое-то неслыханное выдумали.

К у р а ш о в а. Слово для нашего города привычное. Построен-то он при границе, вот и приходится всякий раз с началом войны думать об эвакуации. Когда Наполеон шел

на Москву, весь петербургский двор сидел на чемоданах. Но тогда господь не допустил. А как сейчас сложится? Сами не собираетесь уезжать?

Сидоров. Какие переезды в наши годы?

Курашова. Это же необходимость, война... Николай Федорович так говорит.

Сидоров. Войны не бесконечны, что же бегать туда-сюда?

Курашова. Но есть постановление Ленгорисполкома.

Сидоров. Вы же не уезжаете?

Курашова. Так Николая Федоровича оставили здесь, при заводе.

Сидоров. Что-то давно его не видно.

Курашова. Работает по 10—11 часов, а то и больше.

Сидоров. Один? Или есть еще энтузиасты?

Курашова. Есть. Все оставшиеся так работают. Время военное.

Сидоров. А мы дочку ждем. Где-то неподалеку воюет. Вернется, а в доме никого? Некрасиво получится.

Курашова. И точней не знаете, где она?

Сидоров. Была под Лугой. А где теперь – не знаю. Но может появиться в любой день – расстояние не ахти какое...

Курашова. Вот и все мы чего-то ждем...

Курашова уходит в подъезд. Сидоров продолжает

стричь кусты. Через сквер к дому идут Петровы с продуктами.

Н и н а. Виктор совсем от рук отбился. Таким самостоятельным стал за лето.

П е т р о в. Самостоятельность – это хорошо. Не всякий на нее способен. Зависимым быть легче: не надо ничего решать, всегда можно перебросить собственные промахи на чужие плечи.

Н и н а. Да он бабку не слушает, папиросы мои куда-то прячет. От тебя этим шуткам научился.

П е т р о в. Будет кому присмотреть за тобой.

Н и н а. А мне контролеры не нужны!

П е т р о в. Контролеры – да, но это же сын. Итак, продуктов на первые дни вам хватит. Если переезд затянется, прикупите что-то на остановках. Не исключено, что придется вещи менять на продукты. Надо будет взять с собой самые ходовые.

Н и н а. Стоит ли вообще уезжать?

П е т р о в. Это не обсуждается. Вас-то я отправлю, а что с Татьяной будет? Гатчину немцы не обойдут, а она там...

Н и н а. Не будет же она их дожидаться?!

П е т р о в. В этом и неизвестность.

Н и н а. В тыл пусть едут те, кому есть куда и к кому ехать.

П е т р о в. Да все едут в никуда, никто никого и нигде не ждет.

Н и н а. И к чему этот бессмысленный отъезд?

П е т р о в. Война, Ниночка, война...

Н и н а. Война через пару месяцев кончится, а мы окажемся за тридевять земель от дома?

П е т р о в. Зятя наслушалась? Я смотрю, все стратегами стали. Немцы два месяца шли к Ленинграду. Выгонять их придется дольше.

Н и н а. Три, четыре месяца – какая разница? Уезжать глупо! Сорвал меня с дачи зачем-то. Сидели бы там и не суетились с отъездом.

П е т р о в. Не говори, пожалуйста о том, чего не знаешь. Не ты одна едешь, полгорода поднялось У тебя есть возможность уехать с родными к тому же.

Н и н а. А мне это надо?

П е т р о в. И тебе, и сыну твоему надо.

Н и н а. Своим ты его не считаешь?

П е т р о в. Сейчас не до счетов. Главное для вас – выехать из города.

Н и н а. Вот все и выяснилось...

П е т р о в. Хорошо, отъезд нужен нашему сыну!

Н и н а. Клещами надо из тебя такие признания вытягивать... А родственнички берут меня с собой, чтоб я с девочкой их нянчилась. Мать у нас барыня, сама ничего делать не будет, а Верке работать надо – они же с заводом едут. Где-то мне предстоит работать, счетоводу несчастному?

П е т р о в. Тебе самой рожать, не до работы будет.

Н и н а. Это когда еще... К тому времени мы в Ленинград
вернемся.

К Петровым подходит Сидоров.

С и д о р о в. Здравствуйте, молодежь.

П е т р о в ы (одновременно). Доброе утро...

С и д о р о в. Данила Андреич, можно тебя на пару слов?

П е т р о в. Почему же нельзя? Сумки только донесу
до квартиры и вернусь. Пока Нина Сергеевна собирает вещи,
поговорим.

*Петровы уходят в подъезд. Через минуту Петров возвра-
щается один.*

П е т р о в. Какие вопросы, Макар Васильевич?

С и д о р о в. Отвоевался уже?

П е т р о в. Отвоюю, когда война кончится. А сейчас семью
надо отправить подальше отсюда.

С и д о р о в. Неужели и тут будем воевать?

П е т р о в. Неподалеку.

С и д о р о в. То-то жильцы, как крысы с корабля, разбе-
гаются.

П е т р о в. Есть постановление, и винить их не в чем.

С и д о р о в. Я и не против. Только постановления
и приказы выполнять – солдатское дело. А нам, граждан-

ским, и мозгами пораскинуть можно, прежде чем выполнять. Не маленькие, кумекаем, что к чему.

Петров. Исполнительность сейчас – главное. У меня жена противится отъезду, так вы ей такого не говорите. Пусть уезжает, как все.

Сидоров. А не все едут. Вот к примеру...

Петров (перебивает). Потом, потом примеры перебирать будем. А сейчас паковать вещи надо моим путешественникам.

Сидоров. Все так серьезно?

Петров. Один курящий байку мне рассказал. Бежит наш солдатик в атаку с винтовкой наперевес, но остановился, решил закурить. Скрутил козью ножку, прикурил, а тут ему голову сдуло – снаряд поблизости разорвался. Солдату самое время затянуться, а самокрутку вставить некуда. Расстроился он от такой несправедливости и тогда лишь упал.

Сидоров. Ты это к чему рассказал?

Петров. Была возможность – и рассказал. Завтра такой возможности может не быть.

Сидоров. Не умирать же ты собрался?

Петров. И не думал. Просто боюсь забыть эту байку в будущем.

Сидоров. Выходит, положение серьезней некуда.

Петров. Не до перекуров. И разговоры надо отложить на будущее.

Сидоров. А если в будущем не удастся поговорить?

Петров. Не думаю, что война будет столетней. Все кончится быстрее. А не удастся нам – разговор продолжат наши современники. У них и информации прибавится, и опыта будет больше, и суд более объективным.

Сидоров. Но это уже будем не мы, не наши чувства и оценки.

Петров. А чем их оценки могут отличаться от наших? Шапкозакидательства будет меньше? Так это хорошо! Наши-то разговоры хвастовством и незнанием грешат. А все оценивается конечными результатами. Мы пока в самом начале войны. Немцы под Ленинградом, жители вынужденно покидают город. Доживем до победы – поговорим.

Сидоров. Веришь в свою звезду, в бессмертие?

Петров. Почему бы и нет? Человек смертен, никто не спорит. Но смерть за родину придает смысл жизни, остается в памяти живых.

Сидоров. С живыми ясно. Как объяснить это мертвым? Многие погибают, не поняв, за что... Извещения о смерти как из рога изобилия почтальонша всякий день приносит.

Петров. Мертвым объяснять ничего не надо. Это они нам говорят, что с идеологией расизма человечеству не по пути.

Сидоров. Но этих врагов мы вчера называли друзьями.

Петров. Пусть это останется на совести тех, кто называл. Германия была ненадежным, но союзником. Другие державы ни дружбы, ни союза нам не предлагали. Так сло-

жилось, что у России друзей и раньше не было, У Советского Союза – тем более.

С и д о р о в. Зачем же нам такой союзник, такой мир?

П е т р о в. Затем, что худой мир лучше доброй ссоры.

С и д о р о в. Этот союз позорил нас перед миром, да и нам самим был непонятен. Вот и дождались неожиданно-стей на свою голову.

П е т р о в. Что делать? Рыцарское «иду на вы» кануло в лету. Война все расставила по своим местам. Агрессоры показали свое лицо, и нам осталось только защищаться и защищать завещанное дедами и прадедами.

С и д о р о в. Так не проиграем войну?

П е т р о в. Победим, как пить дать!

С и д о р о в. Сам веришь, или сверху приказали?

П е т р о в. История наша подсказала. Хороший советчик, между прочим. И аргументы убедительные можно найти, и примеры достойные.

С и д о р о в. Ну хоть это приятно слышать. Если паники да измены нет – с остальным справимся А где та дивизия, с которой ты уходил?

П е т р о в. Под Лугой полегла. Кто-то, раненый да контуженый, остался в тылу у немцев, кто-то еще из окружения выходит... Каждый как может. Мы вот, восемь человек, два дня назад вернулись.

С и д о р о в. Почему это нас все время окружают, выбивают, а мы все отступаем, хотя отступить уже некуда?

Петров. Воевать не умеем. Да и нечем, откровенно говоря. Немцы идут в атаку в полный рост, из автоматов все косят перед собой, а мы из винтовочек своих постреливаем, да и на них патронов не хватает.

Сидоров. А говорят, лишние полтора года готовились к войне. Что же это за подготовка?

Петров. Подробности после войны узнаем. У меня вон целая библиотека по военной истории собрана. О Гражданской войне я, пожалуй, больше вашего знаю, хотя вы воевали, а я пешком под стол ходил.

Сидоров. А я тебя вот о чем спросить еще хотел, Данила Андреич... Ты с дочкой моей в одной дивизии уходил, это я точно знаю. Народу много, конечно, было и здесь, и там – всех не упомнишь. Но Марию мою там, на передовой, не встречал? Маша Сидорова, она там медсестрой или санинструктором называлась. Но боевая, в окопах могла быть.

Петров. Этих девчонок там не сосчитать было...

Сидоров. Невысокая такая, светленькая... глазки карие...

Петров. Все они невысокие. И светленькие были. И в нашем батальоне санинструктор Маша была, да она ли?

Сидоров. Почему – была? Где она теперь?

Петров. Раненую ее в Ленинград отправил на попутке. В глаза ей не заглядывал: она чуть жива была. Что-то говорила – не разобрал. А добралась ли и где сейчас – не знаю.

Сидоров. Без провожатого отправил?

Петров. Провожатых там целый кузов раненых был.

Сидоров. Сам-то куда теперь пойдешь?

Петров. Завтра с новобранцами на передовую.

Из подъезда выходит Нина.

Нина. Даня, ты долго еще будешь говорить? Я не знаю, что с собой брать. Смену белья, полотенца, мыло, зубные щетки и порошок я сложила. А что еще?

Петров. Извини, Макар Васильевич, сам видишь...

Сидоров. Это ты меня прости, что задержал.

Петров идет к жене. Сидоров возобновляет работу.

Петров. Извини, заговорились.

Нина. Вижу, что заговорились. Последние часы мог бы и с нами побыть. О чем спрашивал?

Петров. О дочке своей. Говорит, санинструктором с нашей дивизией уходила. А я даже не знаю, о ком речь.

Нина. Так уж не знаешь! Все на глаза тебе старалась попасться.

Петров. Видно, плохо старалась. Или ты отводила мои глаза от нее.

Нина. А что оставалось делать?

Петров. Ничего не делать, потому что мне от тебя глаз не отвести. Ладно, идем собираться. Сменой белья вы явно

не обойдетесь.

Н и н а. Я не успеваю поворачиваться, выполняя твои команды.

П е т р о в. Сегодня сядешь в поезд, и уж никто тобой командовать не будет. Но боюсь, поворачиваться придется не меньше.

Н и н а. Зато у тебя не будет заботы о нас.

П е т р о в. Я к тому, что женщинам предстоит самостоятельно решать все вопросы быта и семьи да еще в незнакомом месте.

Петровы уходят в подъезд. К дому подходят Евгения Павловна и Гулин.

Е в г е н и я П. (Сидорову). Макарушка, я пришла.

С и д о р о в. Вижу. И даже с ухажером.

Е в г е н и я П. Ухажер этот не мой.

С и д о р о в. Где пропадала?

Е в г е н и я П. Антона на сборный проводила.

С и д о р о в. Благословила зятка?

Е в г е н и я П. Молод он для зятка. Дома у него никого нет, до свиданья парню сказать некому...

С и д о р о в. Это что ж – вернется Зоя с окопов, а его поминай как звали?

Е в г е н и я П. Выходит так. Машеньку нашу тогда взяли, а его вернули – досада и заела парнишку. Теперь вот своего

добился. Глаз разве нет у военкомов? Куда таких молоденьких берут?

Сидоров. Где ж парням и матереть, как не в драке?

Евгения П. Да ведь убить могут!

Сидоров. Бог милостив, может, и вернется. Ну, заступай на пост. Я тут между делом кусты привел в порядок. Пойду теперь песок поднимать.

Евгения П. Иди, иди... Я уже ни с места, пока Дарью не дождусь.

Евгения П. садится у подъезда жилконторы. Сидоров уносит рабочий инструмент, возвращается с ведрами, наполняет их песком и уносит на чердак дома. Гулин ходит вдоль дома, смотрит на окна первого этажа.

Гулин. Евгения Павловна, дачники еще не вернулись?

Евгения П. Если ты о Петровых, так вечером они вчера прикатили.

Гулин. Точно?

Евгения П. Мне нельзя быть неточной. Сейчас каждую душу на учет берут, чтоб из города побыстрее выдворить.

Гулин направляется к окну с намерением постучать.

Евгения П. Дал бы человеку отдохнуть. Много ждал, немного осталось. Мужа-то ее Данилы Андреича, не боишь-

ся?

Г у л и н. Вопрос, есть ли у нее муж.

Е в г е н и я П. А куда ж ему деться? Или ты что-то знаешь?

Г у л и н. Так на фронте он. А из их дивизии мало кто вернулся.

Е в г е н и я П. Беду не накарай! Кто-то же вернулся? Вернется и он. А то что же – опять бабе вдоветь с мальцом?

Г у л и н. Не ей одной: война только началась.

Е в г е н и я П. И ты с этой весточкой с утра пораньше пожаловал?

Г у л и н. Не только... Ей надо немедленно эвакуироваться, и я хочу ей помочь.

Е в г е н и я П. Заботаешься о Ниночке?

Г у л и н. Преступления в этом не вижу.

Е в г е н и я П. И я не вижу. Да некрасиво... при живом-то муже.

Г у л и н. Я же объяснил вам ситуацию. Петров знал, что я в беде Нину не брошу, и с марша вернул меня в город.

Е в г е н и я П. Неужели благословил тебя?... Да ведь Нину саму еще уговорить надо. А я ее знаю. Сам-то попал в списки отъезжающих?

Г у л и н. Пока не решил. Это зависит от нее.

Е в г е н и я П. А как же Данила Андреич? Они же любят друг друга.

Г у л и н. Я тоже ее люблю.

Е в г е н и я П. И третьим лишним себя не считаешь?

Г у л и н. Я не был лишним, пока он не появился. И впредь не буду.

Е в г е н и я П. Надеешься осчастливить ее?

Г у л и н. Надеюсь...

Е в г е н и я П. И знаешь, что нужно женщине для счастья?

Г у л и н. Многое. Но я позабочусь.

Е в г е н и я П. С любимым ей нужно быть для счастья. И третий уж точно лишним будет. Это судьба, и с ней не поспоришь. Лучше скажи, не видал ли дочку мою там... в окопах?

Г у л и н. Говорю же: меня с марша вернули, на заводе понадобился.

Е в г е н и я П. У кого же спросить? Но к Ниночке ты со своим известием не ходи, не надо непроверенные слухи разносить, горе сеять.

Г у л и н. Да у меня к ней другой разговор...

Е в г е н и я П. И этот разговор до вечера отложи, Ефимушка.

Гулин, уже уходя, оглядывается, видит вышедших из подъезда Нину и Виктора и останавливается.

Н и н а. Здравствуйте, Евгения Павловна.

В и к т о р. Здравствуйте, тетя Женя.

Е в г е н и я П. Здравствуйте. Что так рано выбрались?

Н и н а. Уезжаем сегодня. а не все дела сделаны.

В и к т о р. Можно я здесь погуляю?

Н и н а. Только в сквере! И никуда от дома. Евгения Павловна, присмотрите?

Е в г е н и я П. Присмотрю, не беспокойся.

В и к т о р. Я за Эммой зайду...

Е в г е н и я П. А они уехали!

В и к т о р. Куда?

Е в г е н и я П. В эвакуацию, к родственникам мужа. Ждала его столько, ждала, а вчера уехала. Письмо от него на днях получила.

В и к т о р (матери). Мы их догоним?

Н и н а. Сомневаюсь.

В и к т о р. Я пойду помогу вещи собирать, чтоб быстрее выехать.

Н и н а. Иди. У тебя семь пятниц на неделе: то гулять, то вещи собирать.

Виктор уходит в подъезд. Нину у портала останавливает Гулин.

Г у л и н. Здравствуй, Нина...

Н и н а. Ефим? Здравствуй. Ты что здесь делаешь?

Г у л и н. Тебя жду.

Н и н а. Ты вроде в ополчение уходил, добровольцем...

Г у л и н. Вернули с марша.

Н и н а. Незаменимым стал?

Г у л и н. Посчитали нужным для завода... броню дали.

Н и н а. Рада за тебя. Но извини – тороплюсь.

Г у л и н. Нина, я должен серьезно поговорить с тобой.

Н и н а. Некогда, Ефим, некогда.

Г у л и н. Другого случая может не быть. Обстоятельства быстро меняются, а ты с ребенком.

Н и н а. То-то я этого не знала.

Г у л и н. Не смейся. Вам нужно эвакуироваться. Могу внести вас в списки наших заводских специалистов.

Н и н а. Я уже устала говорить об этом отъезде.

Г у л и н. Не отказывайся. Обстановка серьезная, и все норвят уехать, сбежать.

Н и н а. Твоя-то какая забота? Бегут и пусть бегут.

Г у л и н. Я о вас думаю.

Н и н а. И тоже предлагаешь бежать?

Г у л и н. Ты знаешь, что можешь рассчитывать на меня.

Н и н а. Мне есть на кого положиться.

Г у л и н. Имеешь в виду Даниила?

Н и н а. А кого же еще?

Г у л и н. Видишь ли, из их дивизии живыми остались единицы. Как друг Даниила я обязан позаботиться о вас.

Н и н а. А сам он что же?

Г у л и н. Я не хотел об этом говорить, но боюсь, что он погиб.

Н и н а. Типун тебе на язык! Вот трепло!

Г у л и н. Обидно слышать... Я люблю тебя и готов на все

ради вас.

Н и н а. Даже на смерть друга? Ох, Ефим, Ефим...

Г у л и н. Понимаю, что тебе трудно в это поверить, но факты таковы. И я тебя не оставлю.

Н и н а. Готов предложить руку и сердце?

Г у л и н. Был бы счастлив. Но сейчас не время для таких предложений.

Н и н а. Спасибо, но помощь твоя мне не нужна.

Г у л и н. Ниночка, но как же ты будешь одна, с сыном?

Н и н а. Отвяжись, худая жизнь! Не даешь мне времени даже поскорбеть. Шел бы в ополчение лучше, чем дурные слухи разносить.

Г у л и н. Я не хочу быть в стаде, которое гонят на убой...

Н и н а. О, какие мы гордые! Не хухры-мухры, а хрю-хрю!

Г у л и н. Не до шуток теперь.

Н и н а. Вот именно. И меня врачевать не надо. Даниил дома и собирает нас в эвакуацию. А я бегу за машиной.

Г у л и н. И он с вами едет?

Н и н а. Он – командир, ему на фронт возвращаться.

Нина уходит. Гулин подходит к Евгении Павловне.

Г у л и н. Что же вы мне не сказали, Евгения Павловна, что Петров дома?

Е в г е н и я П. Дома? Радость-то какая! Вот почему Ниночка сегодня как на крыльях летает... Прости, Ефимушка,

но я сама не знала. А ты что ж, не рад?

Г у л и н (в сторону). Ненавижу! Сколько людей полегло в Финскую, и теперь гибнут, а ему все нипочем...

Гулин уходит. Из подъезда выходит Сидоров и наполняет ведра песком.

Е в г е н и я П. Макара, что же ты не сказал, что Данила Андреич вернулся?

С и д о р о в. Ты не спрашивала. Да и не к нам он вернулся.

Е в г е н и я П. Но он же оттуда! Он мог там Машеньку встретить!

С и д о р о в. Спрашивал. Не видел он ее. А если и встречал, так внимания не обратил. Он же ее в лицо не знает.

Е в г е н и я П. Как это не знает? Столько лет в одном доме жить, по одному двору ходить – и не знать? Не поверю!

С и д о р о в. Да он то в Бессарабии, то на Финской был. А здесь от жены не отходил. Где ж ему других видеть и помнить.

Е в г е н и я П. Но Машенька-то его знала! На фронт за ним пошла!

С и д о р о в. Не сошлись, видно, дороги.

Из подъезда выходит Мохов.

С и д о р о в. Ага, объявился! Где пропадал, Авдей Игна-

тыич? Не загулял без жены случаем?

М о х о в. Какой там загулял! Каждый день занятия. Устаю, как собака. Скоро буду проводить занятия по ПВХО с жильцами. Склад, слава богу, сдал.

С и д о р о в. Ишь какой занятой! А я к тебе ночью и звонил, и стучал, чтоб ты подменил меня на три – четыре часа.

М о х о в. Не сказался я. Устал за день, спать очень хотелось.

С и д о р о в. Вперед сказывайся, а то дверь твою высажу – сам же будешь платить мне за ремонт.

М о х о в. Не до того мне сейчас.

С и д о р о в. Я-то ладно... Других не подменишь – не пожалеют. А сейчас давай песок на чердак носить.

М о х о в. Я почтальона жду. Не приходила еще?

С и д о р о в. Все ждут. И одно другому не помеха.

М о х о в. Нам этот песок за неделю не перетаскать.

С и д о р о в. Глаза боятся – руки делают. Соседи свой песок поднимут – блок у них попросим. А пока бери ведра. Поработаешь – отвлечешься от дум своих тяжелых.

М о х о в. Разве что...

С и д о р о в. Твоя что-то огорчительное пишет?

М о х о в. Да совсем не пишет, как уехала...

С и д о р о в. И друг твой пропал?

М о х о в. Теперь уж и не знаю, как его называть. Он со мной-то и раньше не очень, Клавдии больше держался. С ней и уехал.

Сидоров. Друг семьи, выходит? Что ж, и такое бывает.

Сидоров и Мохов носят песок. Из подъезда выходит и присаживается возле Евгении Павловны Курашова.

Курашова. Здравствуй, Евгения.

Евгения П. Здравствуй, Соня.

Курашова. Люди все уезжают?

Евгения П. И не говори... Утром еще одного проводила, Антона из тридцатой; сейчас Клим из сорок пятой ушел. Уходят солдатики один за другим, и уже ни слуха, ни духа о них. А об окопницах и не говорю. Аня Орехова да Катя Морозова как прописались на этих работах.

Курашова. По радио передали, что будут оплачивать все дни работающим по трудовой повинности. И обеды бесплатные давать будут.

Евгения П. Это хорошо. Да девчонки страху натерпелись больше, чем если бы на передовой побывали.

Курашова. И кто же их так?

Евгения П. Летчики немецкие с самолетов обстреливают. После каждого налета – раненые, убитые.

Курашова. Но почему же так?

Евгения П. То и досадно, что беззащитные они перед самолетами да пулеметами немецкими.

Курашова. Это же хуже, чем на фронте.

Евгения П. Думаю, страху везде хватает.

К у р а ш о в а. Страсти какие! А почты не было? Беспokoюсь я за москвичей моих.

Е в г е н и я П. Авдей Игнатьич каждые пять минут спрашивает, да не было ее.

Сидоров и Мохов возвращаются за песком.

М о х о в (Евгении П.). Не приходила? Где ее черти носят?

С и д о р о в. Что ты на почту взъелся? Тебе жена не пишет.

М о х о в. Сны мне плохие снятся. Боюсь, не увижу больше детишек своих.

С и д о р о в. На дежурства надо ходить, снов меньше будет. Неужели веришь в них?

М о х о в. Верю, не верю – не в том дело. На душе нехорошо. Зачем они уехали? Какая нечистая сила заставила расстаться?!

С и д о р о в. Сейчас многие уезжают. А еще больше желающих сбежать из города.

М о х о в. Все жду, что вернутся они. Антонина Никитична из сорок первой вернулась же с дочкой.

С и д о р о в. То совсем другой случай. А сейчас всех, кто с детьми, подчистую вывозят из города. Под расписку обязуют, срок на выезд дают. Ну, поговорили и давай работать.

Е в г е н и я П (мужу). Макарушка, а Данила Андреич ничего тебе не рассказывал?

С и д о р о в. А что он мог рассказать? Случаи из окопной

жизни?

Е в г е н и я П. И это тоже.

С и д о р о в. Говорил о какой-то девчонке раненой, из их батальона. Так он ее отправил в Ленинград вместе с другими ранеными, на машине. А добрались они до города или в канаве какой лежат – этого он не знает.

Е в г е н и я П. Он назвал ее по имени?

С и д о р о в. Имя-то Маша, да в России этих Маш пруд пруди.

Е в г е н и я П. Я пойду ее искать!

С и д о р о в. Ну да, иголку в стог сена...

Е в г е н и я П. Сонюшка, подежуришь за меня?

К у р а ш о в а. Если нужно, подежурю, конечно.

Е в г е н и я П. Тогда я иду!

С и д о р о в. Куда ты пойдешь? Кого искать?

Е в г е н и я П. Дочь нашу искать в госпиталях!

С и д о р о в. Ты знаешь их адреса? И кто тебе сказал, что в госпитале она?

Е в г е н и я П. Ты ничего не понимаешь! Да если рядом с Данилой Андреичем оказалась санинструктор Маша, так это могла быть только наша дочь!

С и д о р о в. Ну и рассуждения у тебя... Ладно, делай, что хочешь. (уходит с песком).

К у р а ш о в а. Женя, я бы не торопилась. Думаю, Маша сама сообщит о себе не сегодня-завтра. Тогда и пойдете к ней. Я могу заменить тебя на два-три часа, но поиски всле-

пую потребуют не одного дня.

Е в г е н и я П. Подождать?

К у р а ш о в а. Я так думаю. Почта работает исправно, открытка непременно придет.

Е в г е н и я П. Почта работает, а вон как Авдей Игнатьич извелся в ожидании.

К у р а ш о в а. Там почта не виновата. Кому пишут, тот получает. Даша вчера письмо от мужа получила, так с утра побежала в госпиталь.

Е в г е н и я П. Рада за нее, но что-то она задерживается.

К у р а ш о в а. Я тоже не могу из Москвы дожидаться письма. У них там беспокойно. Александр Николаевич из пятидесятой квартиры приехал оттуда, рассказывал вчера. Там каждую ночь воздушные тревоги.

Е в г е н и я П. У нас хоть этого нет...

К у р а ш о в а. Соседка моя оказалась вблизи фронта, таких страхов натерпелась, что здесь и задерживаться не стала: вчера эвакуировалась с дочерью к родственникам мужа.

Е в г е н и я П. При мне уезжали.

Из подъезда выходят Сидоров и Мохов, садятся в сквере.

М о х о в. Все! Пока не дождусь почту, с места не сдвинусь!

С и д о р о в. Да, с тобой много не наработаешь. Надо блок искать.

М о х о в. И черт бы с ней самой! Трепалась она до свадьбы, может, и сейчас то же... Мне детей жалко! Они же малые еще, в дороге и дизентерией могут заболеть, и еще чем.

С и д о р о в. Что ж она – не мать своим детям?

М о х о в. Мать! А зачем она фотографию своего первого кавалера взяла? Поближе к сердцу положила: «Вдруг свидимся где». Это как понимать? Пять лет прожили, а теперь и знаясь со мной не желает?

С и д о р о в. Не распаяй себя. Получишь письмо, и все твои страхи окажутся напрасными. Встретит она кого или не встретит – вилами на воде писано, а пока она твоя жена и дети у нее твои, и все они в безопасности.

М о х о в. Ты меня не успокаивай. Она мне всю свою жизнь рассказала, так поневоле задумаешься, чем она занимается... в безопасности.

С и д о р о в. С глупой какой спрос? Кончится война – разберетесь. А пока продолжим.

Сидоров и Мохов уходят с ведрами песка. Петров и Виктор здороваются с женищинами у подъезда и начинают выносить вещи.

Е в г е н и я П. Вот и Петровы уезжают. Глядишь, и до Сидоровых очередь дойдет.

К у р а ш о в а. Вчера только с дачи приехали, а сегодня уже эвакуируются. Чувствуется мужская рука.

Е в г е н и я П. Сама Нина и с места не двинулась бы...

П е т р о в (Виктору). Вроде бы все вынесли, а где мама?

В и к т о р. Приедет.

П е т р о в. Не сомневаюсь. Да время-то не терпит. Вон лето промелькнуло – не заметили. И каникулы твои закончились. Правда, не совсем так, как думалось.

В и к т о р. А я рад.

П е т р о в. Чему? Неужели переутомился, отдыхая?

В и к т о р. Какой это отдых... Бабуля то ягод требует на варенье набрать и побольше, то шишек для самовара собирать на всю зиму, весь чердак ими завалить. А мне при всем желании столько не собрать. Поэтому я рад, что все кончилось. А то нужно было бы еще и грибы собирать и для соления, и для сушения. Так уж лучше в школу идти.

П е т р о в. Это лето вспомнишь не раз... и не только шишками.

В и к т о р. Некогда вспоминать будет. Мне еще в музыкальную школу ходить.

П е т р о в. Школа твоя теперь там, где вас выгрузят, и неизвестно, в городе, в селе или в чистом поле.

В и к т о р. Посмотрим. А мы на даче часто в войну играли. У меня даже пулемет был, как настоящий «максим».

П е т р о в. Игры кончились, воевать предстоит всерьез.

В и к т о р. А ты видел немцев?

П е т р о в. Довелось. Но вспоминать об этом не хочется.

В и к т о р. А я видел воздушный бой. Над станцией.

Несколько самолетов кружились, как на карусели. Потом один задымил и стал падать. Это нашего сбили. Мы хотели бежать в лес, помочь летчику, да нас не пустили: говорят, далеко упал. А я бы дошел, если бы пустили.

Петров. Дошел-то дошел, а летчику чем помог бы? Где же наша мама?

Евгения П. Данила Андреич, не верю я, что дочку нашу ты не встречал.

Петров. Евгения Павловна, встреч было много, но встречи с вашей дочерью не помню. Подробности одной встречи я уже рассказал Макару Васильевичу.

Евгения П. Да, он пересказывал.

К дому на тарантасе подъезжает Нина.

Петров. Заждались мы тебя.

Нина. Взять машину невозможно. Там водителям бешеные деньги дают, только чтоб перехватить друг у друга машину. Кое-как поймала извозчика.

Петров. Ничего, и на лошадях люди ездили, не жаловались.

Нина уходит в подъезд, возвращается. Извозчик кормит и поит

лошадь. Петров по указаниям извозчика грузит вещи на тарантас.

Н и н а. Ты вроде Ефима хлопчешь о нашем отъезде.

П е т р о в. Он-то причем? Встречалась с ним? Он в городе?

Н и н а. Как и ты...

П е т р о в. Не совсем. Он на передовой не был. Еще на марше ноги потер, пришлось в город его вернуть.

Н и н а. Специально натер?

П е т р о в. Откуда мне знать? Санинструктор осматривала. Не он один захромал тогда. Больше сотни человек вернули в город. Где ты видела его?

Н и н а. Я за извозчиком пошла, а он тут как тут. Евгения Павловна может подтвердить.

П е т р о в. Он что же – ожидал тебя? И как он узнал о вашем приезде?

Н и н а. Кто ж его знает...

П е т р о в. И что говорил?

Н и н а. Уговаривал в эвакуацию с ним ехать.

П е т р о в. Поэтому ты против отъезда со своими?

Н и н а. Да я вообще не хочу никуда и ни с кем ехать!

П е т р о в. Наши желания сейчас никого не интересуют.

К отъезжающим подходит Иванов.

И в а н о в. Здравствуйте. И, по-моему, до свидания?

П е т р о в. Так точно, своих отправляю.

И в а н о в. Молодец! Оперативно и без лишних разговоров.

Н и н а. Семен Семенович, наша квартира почти полностью выехала. Осталась только тетя Маша. Она присмотрит за комнатой, за вещами. Но и вас прошу – приглядывайте.

И в а н о в. Обязанности свои знаем, не беспокойтесь.

Н и н а. Спасибо и... до скорой встречи.

И в а н о в. Надеюсь, Нина Сергеевна.

П е т р о в. Я не прощаюсь. Посажу их в эшелон и вернусь. Ключи отдам завтра.

И в а н о в. Меня не будет – отдадите Дарье Михайловне.

П е т р о в. Хорошо.

Иванов прощается и уходит. Женщины обнимаются. Нина

достаёт из сумочки носовой платок, выпадает квитанция.

Н и н а. Как же я забыла?! Вчера еще можно было получить скрипку. Даня, оставляю квитанцию тебе, получи сегодня же...

П е т р о в. Не берусь. Я должен пройти и в военкомат, и появиться на сборном, а какие там распоряжения получу – не знаю.

Н и н а. А, ладно... теперь уже все равно.

В и к т о р. Но как же? Я же должен учиться играть!

Н и н а. Где ты собираешься учиться? Мы даже не знаем, куда едем! Не до музыки будет, это уж точно...

В и к т о р. Дай мне квитанцию!

Н и н а. Зачем она тебе?

В и к т о р. Ну, пожалуйста! Это же моя скрипка! Квитанцию надо сохранить до нашего возвращения.

Н и н а. Да на, возьми... (отдает квитанцию Виктору, он прячет ее в карман).

П е т р о в. Разобрались? А теперь послушайте меня. Хорошо, если в вагоне окажется кто-нибудь толковый, кто руководить вами будет. Но главное – из-за каждой тревоги или остановки из вагона не выпрыгивать. Платформ нет, насыпи высокие, можно ноги поломать, да и со здоровыми обратно не всякий заберется. А поезд ждать не будет, гудков машинист не даст. Растеряете друг друга – не найдете, потому что первую сотню километров поезд будет идти ночью.

Н и н а. Как же он уйдет, если люди вышли?

П е т р о в. Уйдет, поэтому повторяю: из вагона не выходить. Если уж разобьют паровоз и состав не сможет дальше двигаться, тогда уходите в лес и добирайтесь до ближайшей деревни, села, Но идите подальше от дорог. Витя, вот тебе компас – будешь проводником для мамы и других.

Виктор крепит полученный компас на руке.

П е т р о в. Лучше, конечно, если он вам не понадобится

и эшелон дойдет до места назначения. Деньги будете получать по аттестату, адрес только сообщите сразу, как осядете где-то, чтоб переслать его. Но деньги в деревне мало что стоят. Я сложил в этот тюк вещи и отрезы, которые можно будет обменять на продукты в случае чего. И не жалея тряпок, это все наживное. Главное – берегите друг друга. Вам бы сегодня Мгу проскочить. Если немцы ее возьмут, ни о каком отъезде речи не будет.

Н и н а. И что тогда?

П е т р о в. Вернетесь... а что будет дальше – не знаю.

Н и н а. Но немцы не возьмут город?

П е т р о в. Кто же это допустит?

Н и н а. Зачем тогда и уезжать?

П е т р о в. Не начинай. Во фронтовом городе мирному населению делать нечего, жертв не оберешься от обстрелов и бомбардировок.

Н и н а. Но многие же остаются! Целые заводы никуда не едут.

П е т р о в. Кто-то должен производить оружие, ремонтировать технику, поддерживать жизнь в городе.

Н и н а. Вот именно! Кормить людей надо? А через Вырицу какие стада гнали к городу! Такие красивые, породистые коровы были! Колхозники уговаривали нас идти с ними и доить коров. Они на Оредеже останавливались, и мы каждый день несли в дом ведра молока, не зная, куда его девать.

П е т р о в. И что с того?

Н и н а. Если все эти стада гнали на убой, наш завод мог бы работать не один месяц, а его закрыли.

П е т р о в. Представляю, что от этих коров оставалось после многодневных перегонов.

Н и н а. Городу разве продукты не требуются?

П е т р о в. Требуются. Но не в тех объемах, что прежде. Население покидает город!

Н и н а. А красноармейцев не надо кормить?

П е т р о в. Надо, надо. И нам надо... ехать, Лошадь уже измучилась, ожидая нас. Садитесь в тарантас и поехали.

Петровы уезжают. К дому подходит женщина-почтальон. Ее окружают жильцы дома.

М о х о в. Наконец-то... В сорок пятую нет письма?

П о ч т а л ь о н. Фамилию назовите.

М о х о в. Мохов... Авдей Игнатьевич.

П о ч т а л ь о н. Держите. (отдает Мохову письмо).

М о х о в. (берет письмо). Ох... как тебя и благодарить!?

П о ч т а л ь о н. Прочитайте, потом благодарить будете. (Курашовой). А вам?

К у р а ш о в а. В пятидесятую, газету «Ленинградскую правду».

П о ч т а л ь о н. Держите газету. Где-то и письмо было. Курашовой – вам?

К у р а ш о в а. Мне, родная, мне... из Москвы, от сына.

П о ч т а л ь о н. Держите. (отдает Курашовой письмо и газету). А вы что молчите, Макар Васильевич? Вам открытка... возьмете?

Сидоров берет открытку, бегло просматривает ее, потом подхватывает женщину и кружится с ней.

П о ч т а л ь о н. Да отпустите же! Так я всю корреспонденцию растеряю!

Сидоров ставит женщину на землю, отдает открытку жене, помогает почтальону собрать рассыпанные письма.

П о ч т а л ь о н. Все мне перепутали... теперь снова раскладывать придется.

С и д о р о в. Да радость-то какую ты нам принесла, милая!

П о ч т а л ь о н. За весь день только вас одного и порадовала.

С и д о р о в. Мы же тебя с самого утра ждем!

П о ч т а л ь о н. Может быть... если у вас никого на фронте нет. А другие меня бояться стали, не открывают дверь, когда звоню. Но я и рада: сама боюсь смотреть людям в глаза. Хожу как вестник смерти. Один дом обойду и сижусь где-нибудь, дух перевозжу. Вот и сейчас... Макар Васильевич, положите это

в почтовый ящик. (отдает извещение).

С и д о р о в. Это кому же? (читает похоронку). А она в полной уверенности ждет его, чтобы помог ей эвакуироваться.

П о ч т а л ь о н. Простите, что обязанности свои на вас перекладываю, но сегодня уже с двумя вдовами наплакалась, третьей встречи боюсь.

С и д о р о в. Сделаю, милая, сделаю... только как?

П о ч т а л ь о н. Прошу вас... Вроде писем становится меньше, а сумка все тяжелеет (уходит).

Е в г е н и я П. О чем ты с ней шептался там? Свидание назначал на радостях?

С и д о р о в. Какие радости? (показывает жене извещение).

Е в г е н и я П. Господи, что делается!

С и д о р о в. Был человек, и нет человека. А ведь он что-то хотел сделать в жизни. Но кто-то решил, что жизнь ему не нужна и послал на войну. где убийством друг друга занимаются мирные люди, ставшие в одночасье врагами. Ради чего?

Е в г е н и я П. Нам этого не понять...

С и д о р о в. Надо понять. А ты что медлишь, Евгения Павловна? Ждет ведь дочка!

Е в г е н и я П. Сонюшка, подежуришь за меня?

К у р а ш о в а. Да, я здесь посижу.

Е в г е н и я П. Я за пару часов обернусь.

С и д о р о в. Иди, иди. Ну что, Авдей? Получил письмо?
М о х о в. Это вызов в контору – завтра пойду...

Евгения Павловна уходит. Появляется Гулин.

С и д о р о в. Ефим Дмитриевич, ты что же не на работе сегодня?

Г у л и н. Местная командировка была, я пораньше и освободился.

С и д о р о в. Ну и помог бы мне песок на чердак поднять.

Г у л и н. Вам-то я помогу, поможет ли это городу?

С и д о р о в. Ты не один такой сознательный. А сообщаемы и городу поможем пожаров избежать.

Г у л и н. Блажен, кто верует. А мне довелось сегодня в одну контору зайти. Там об обороне и думать забыли. Командировки себе в тыл оформляют. И многие с партбилетами...

С и д о р о в. Сам-то не собираешься уезжать?

Г у л и н. Еще не решил. Но я-то мелкая сошка.

С и д о р о в. В конторах тоже не вожди сидят. И как ни называйся, бегство есть бегство. Мне это тоже не нравится, но у людей семьи, о них позаботиться надо.

Г у л и н. Они должны пример нам показывать!

С и д о р о в. Ты не ребенок. Какой тебе пример нужен?

Г у л и н. Пример достойного поведения. Иначе на кого нам ориентироваться?

С и д о р о в. На собственное понимание долга и на совесть

свою. Ну и на тех, кто ушел на фронт. Там с партбилетами их тысячи, если не десятки тысяч.

Г у л и н. Тех тысяч я не видел, а здесь они на глазах.

С и д о р о в. Каждый видит то, что ему хочется видеть.

Из подъезда жилконторы выходит Иванов.

И в а н о в (Курашовой). Вы замещаете Скворцову?

К у р а ш о в а. Дарья Михайловна попросила подежурить за нее. Она сказала, что вы ей разрешили поехать в госпиталь, к мужу. А Евгения Павловна тоже пошла к дочери.

И в а н о в. Если так, вы и расскажете мне, кто еще уехал... кроме Петровых?

К у р а ш о в а. Вот список. Но и в нем не все отмечены. Уехали Мельниковы из 56-й, а с ними – Васильевы из 29-й. На одной машине уехали, я сама видела. Из 35-й уехали, вчера, а сам Малыгин вчера же ушел на сборный пункт. Богданов из 17-й тоже ушел на призывной, а жену с дочкой отправил к эшелону.

И в а н о в. А Бровкины из 62-й?

К у р а ш о в а. Уехали.

И в а н о в. Мало! Надо снова собрать людей, разъяснить им необходимость эвакуации.

К у р а ш о в а. Собирали же...

И в а н о в. Будем собирать еще и еще! Надо написать объявление...

К у р а ш о в а. Семен Семенович, не обижайтесь, пожалуйста, но как вы могли повесить такое объявление?

Курашова указывает Иванову на объявление, висящее на двери подъезда.

И в а н о в. Что вам не нравится?

К у р а ш о в а. Ну что это такое? «Срочно заклеить оконные стекла марлей или бумагой хрес на хрес».

И в а н о в. Правильно. Есть такое указание. Вы заклеили?

К у р а ш о в а. Конечно.

И в а н о в. Смотрите, а то взыщу... по всей строгости военного времени. Впрочем, извините, Софья Николаевна, заговариваюсь...

К у р а ш о в а. Да я об ошибках говорю! Люди же смеются!

И в а н о в. Нашли время смеяться. А ошибки исправили – и ладно. Сейчас дело делать надо. Столько указаний, что не знаешь, с чего начать.

К у р а ш о в а. Но я могла бы писать объявления под вашу диктовку.

И в а н о в. Занимайтесь своим делом, а я своим. Если двое делают одно дело, кто-то их них лишний.

К у р а ш о в а. Я хотела как лучше, Семен Семенович...

И в а н о в. Вот и напишите, что сегодня в жилконторе в 19 часов состоится беседа о Постановлении Ленгорисполкома от 10 августа. Повесьте объявление и обойдите

со Скворцовой все квартиры, из которых жильцы не выехали. Пригласите всех персонально.

К у р а ш о в а. Сейчас напишу...

И в а н о в. А с окопов вернулись люди?

К у р а ш о в а. Аня Орехова, из 53-й, вернулась, но ей новая повестка пришла.

И в а н о в. Какая повестка? Ей с ребенком и матерью больной выезжать из города надо!

К у р а ш о в а. Катя Морозова, из 37-й, тоже вернулась.

И в а н о в. Попросите их обязательно быть на собрании. Пусть расскажут, как им на окопах работается.

К у р а ш о в а. Передам.

И в а н о в. Слухами тут кормимся, настоящего положения дел не знаем. А ведь там наши люди. Их, знающих обстановку, и слушаем.

К Иванову подходит Сидоров. Оба отходят к порталу.

С и д о р о в. Семен Семенович, ты лицо должностное. Может быть, вручишь это Архиповой? (отдает Иванову извещение).

И в а н о в (прочитав похоронку). А что же почтальон?

С и д о р о в. Пожалел я ее. Она за день столько их разносит...

И в а н о в. Ее пожалел, а мы с какими глазами отдадим ей эту весточку? Ты хоть понимаешь, что это убьет ее?

С и д о р о в. Эвакуировать ее, не говоря об извещении?

И в а н о в. Неплохо бы. Но ей документы надо оформить на основании извещения.

С и д о р о в. Придется вручить?

И в а н о в. Придется. Знать бы, как... Песок-то сегодня поднимем?

С и д о р о в. Неплохо бы у соседей блок попросить.

И в а н о в. Ну и попроси.

С и д о р о в. Иван не даст. Ему приказ начальства нужен.

И в а н о в. Хорошо, я поговорю с его начальником.

С и д о р о в. Тогда поднимем, конечно.

Из подъезда выходит Архипова. Сидоров уходит.

И в а н о в. Антонина Никитична, здравствуйте...

А р х и п о в а. Какое официальное начало. Здравствуйтесь, Семен Семенович. Что-то хотите мне сообщить?

И в а н о в. Не хочу, но должен... Вечером собираем тех, кто еще не эвакуировался. Приходите, послушайте руководителей города, если мои уговоры на вас не действуют.

А р х и п о в а. А меня уговаривать не надо. Я с места не тронусь, пока не дождусь мужа.

И в а н о в. Такие вопросы не мужья решают. Как жена командира вы понимаете, что Постановление Исполкома – это приказ, подлежащий исполнению.

А р х и п о в а. Понимаю, но я уж дождусь своего коман-

дира.

И в а н о в. И все-таки приходите. Нам есть о чем поговорить.

Архипова, пожав плечами, уходит, К Иванову подходит Курашова.

К у р а ш о в а. Семен Семенович, объявление я повесила, И в а н о в. Спасибо. А теперь – по квартирам.

К у р а ш о в а. Да я, сидя здесь, больше людей предупрежу... Многие же еще на работе.

И в а н о в. Как знаете, но чтоб все, кому уезжать, были. А я пройду в военкомат. К собранию вернусь. Кому понадоблюсь, пусть ждут.

К у р а ш о в а. Опять?

И в а н о в. Не сидеть же здесь, когда немцы лезут отовсюду, как саранча!

К у р а ш о в а. Не знаю, что вам и пожелать...

И в а н о в. Мало ходите по городу и не видите, как посерьезнел Ленинград. Вот и нам надо серьезно решить, что делать каждому.

К у р а ш о в а. В военкомате-то узнайте поподробней, где немцы. На карту хоть одним глазком взгляните. А то в газете называют Сольцы, Струги Красные, а где это?

И в а н о в. Я что-то карты там не видел, убрали, наверное, с глаз долой, чтоб себя и людей не пугать. А места, что вы

называете, немцы уже прошли и по нашей области идут.

Из подъезда выходят Сидоров, Мохов, Гулин с ведрами.

Г у л и н. (Мохову). На собраниях-то вам что-то разъясняют?

М о х о в. Да собраний с начала войны не было!

Г у л и н. Понятно. На собраниях отвечать на вопросы надо. Почему, например, война идет так, а не иначе...

С и д о р о в. Ну и разъяснили бы. К чему людей в неведении держать? Какую-то информацию сверху должны давать...

М о х о в. Это мы, простые смертные, всегда что-то должны, но не руководство. По-моему, многие затаились в ожидании, чья возьмет.

С и д о р о в. Этого быть не может!

Г у л и н. Ну да... потому что не может быть никогда. Точно так же, как нам твердили, что Германия не нападет, потому что мы – союзники. Значит, кое-где гостей ждут.

М о х о в. Я говорю только, что прежней активности нет. Вроде бы самое время что-то возглавить, кого-то повести.

Г у л и н. Ну. во-первых, инициатива наказуема. Москва в любой момент может пресечь любой почин. Своих-то людей призвать к порядку у нас умеют – это не с немцами воевать. А во-вторых, пассивность послужит неплохим оправданием перед немцами.

И в а н о в. Идиоты! Этим «товарищам» предстоит перед нашими людьми держать ответ! Слава богу, таких «го- степриимных» у нас немного.

Г у л и н. Но их поведение заметней. И в присутственных местах не избавиться от впечатления, что все замерли в ожидании.

И в а н о в. Немцы не с пряниками к нам идут. Им земля наша нужна и мы – рабами.

М о х о в. Некоторые прямо говорят, что мы и большеви- ками закабалены по самое горло. И приход немцев позволит что-то улучшить в стране.

И в а н о в. В какой стране? Ее не будет! Где сейчас Че- хословакия, Австрия, Польша? Плата за помощь может ока- заться непосильной. В своей стране самим надо наводить по- рядок.

З а т е м н е н и е.

КАРТИНА II

Там же, ближе к вечеру. Курашова сидит у подъезда, вяжет. Сидоров и Мохов поднимают песок на чердак с помощью блока.

С и д о р о в. Повезло нам: соседи быстро управились. Теперь и у нас дело пойдет. Небольшая механизация, а сколько времени и сил сберегает...

М о х о в. Да уж все лучше, чем ползать с ведрами вверх-вниз...

С и д о р о в. Извини, Игнатьич, объявляю перерыв. Покури пока.

Через сквер к дому идут мать и дочь Сидоровы. У Мариш правая забинтованная рука на перевязи. Сидоров идет навстречу.

Е в г е н и я П. Принимай, отец. Жива доченька наша!

С и д о р о в (обнимает дочь). Ну, здравствуй. Заставила ты нас понервничать. Что рука?

М а р и я. Почти поправилась. Осталось пару перевязок сделать.

С и д о р о в. Как же это ты не убереглась? Подставляться

под пули – гиблое дело.

М а р и я. Да меня только чуть царапнуло.

С и д о р о в. Если бы не чуть, мы бы с тобой не разговаривали сейчас.

Е в г е н и я П. Какой там чуть! Сама говоришь – упала.

М а р и я. Споткнулась я...

Е в г е н и я П. И сознание потеряла от этого?

М а р и я. Мама, ну зачем ты ему рассказываешь?

Е в г е н и я П. Затем и говорю, что быть бы тебе в плену или на том свете, если бы не Данила Андреич: и к дороге ее вынес, и в машину поместил.

М а р и я. А сам он – ничего? Не ранен?

С и д о р о в. Здоров твой командир. Повез своих к поезду: в тыл их эвакуирует.

М а р и я. Мне надо с ним увидеться.

С и д о р о в. Вернется к вечеру и встретитесь. А сейчас иди отдыхай. Мне-то не до отдыха: песок надо поднять на чердак. Авдей, не убегай, нам блок до вечера дали, надо управиться. (Уходит)

Е в г е н и я П. Отца хлебом не корми, дай только поговорить о своих походах. Так что Данилу Андреича он непременно к нам приведет.

М а р и я. Мне нужно встретиться с ним без свидетелей.

Е в г е н и я П. Что задумала? Обидел он тебя? Так скандалом делу не поможешь. Да и не время сейчас...

М а р и я. Ты не поняла.

Е в г е н и я П. Вот и объясни матери непонятливой.

М а р и я. Я хочу сына от него иметь.

Е в г е н и я П. Ты думаешь, что говоришь?

М а р и я. Давно думаю. А теперь времени на раздумье не осталось.

Е в г е н и я П. Думы твои я знаю. Может быть, встретишь другого...

М а р и я. Ты говоришь, не зная того, что видела я. А мне снятся окопы, которые стали братскими могилами для женатых и женихов, и поля, усеянные их трупами. И когда мы возместим эти потери, и возместим ли, не знаю. Но я хоть рожу по любви.

Е в г е н и я П. Позор-то какой! Отец убьет тебя!

М а р и я. Убивать пусть идет на передовую, враги – там. А воевать с родными и близкими сейчас не время.

Е в г е н и я П. Ладно, еще не вечер. Идем домой, приляжешь хоть, отдохнешь.

Мария видит идущего к дому Петрова.

М а р и я. Я здесь немного посижу, воздухом нормальным подышу, не больничным.

Е в г е н и я П. Ну, переведи дух, пока я постель тебе приготовлю.

Евгения П. уходит. Мария садится на скамейку в сквере.

Подходит Петров, оба не скрывают радости.

Петров. Здравствуй, Машенька... Вот о ком меня спрашивали родители...

Мария. Здравствуйте, Даниил Андреевич...

Петров. Как ты себя чувствуешь?

Мария. Почти здорова. А как вы выбрались оттуда?

Петров. Как и другие: на своих двоих.

Мария. Сколько вернулось, не знаете.

Петров. Со мной вышло семь человек. Об остальных ничего не знаю.

Мария. Значит...

Петров. Пока это ничего не значит. Но...

Мария. Печально.

Петров. После выздоровления куда пойдешь?

Мария. Как врачи решат...

Петров. Не в окопы же?

Мария. Не хотелось бы... Я там чувствую себя такой беззащитной, а немцы – безнаказанными.

Петров. Ты же прекрасно стреляешь – подучись на снайпера.

Мария. Я подумаю. Не мое это дело – убивать. Мечта у меня совсем другая.

Петров. Какая же, если не секрет?

Мария. Не секрет. Но вам-то я не скажу.

Петров. Да я не любопытный...

М а р и я. А вы где намерены воевать?

П е т р о в. Судя по обстановке, далеко не отправят. Завтра получу пополнение и на передовую.

М а р и я. Так сразу? И задержаться никак нельзя?

П е т р о в. Задержки на войне дорого обходятся.

М а р и я. Я, пожалуй, открою вам свою мечту... если в гости пригласите...

П е т р о в. Приглашаю... хоть сейчас...

Мария обнимает и целует Петрова. Из подъезда выходит Сидоров.

С и д о р о в. Ты, Мария, кланяться должна Даниле Андреичу, а не на шею ему вешаться. И в церкви не одну молитву вознести за его здоровье.

М а р и я. Папа, что ты говоришь?

С и д о р о в. Дело говорю, а ты слушай!

М а р и я. Я же комсомолка, а Даниил Андреевич – член партии!

С и д о р о в. И ты думаешь, билеты ваши вас спасли? Нет, на то Божья милость была. И теперь все зависит от воли его... Данила Андреич, ты теперь один. Зашел бы к нам, отужинали вместе. Крестницу свою порадуешь.

М а р и я. Ну я же и приглашала Даниила Андреевича...

С и д о р о в. Вот это правильно...

П е т р о в. Мне же с утра на сборном пункте надо быть...

Сидоров. Ну, ужин – не ахти какое застолье, полчаса-час, не более.

Мария. Приходите, пожалуйста!

Петров. Спасибо, зайду.

Сидоров. Вот и договорились. (Марии) А ты иди домой, приляг. Мать зовет.

Петров, Мария, Сидоров расходятся по подъездам. Возле жилконторы остаются Мохов и Курашова.

Мохов (Курашовой). Вы что же, так весь день и будете дежурить?

Курашова. Да я Евгению Павловну подменяю. Она в госпиталь за дочерью ходила. Теперь вернулась и сменит меня.

Мохов. Погода-то сказочная стоит... живи да радуйся. А люди убивают друг друга.

Курашова. Война, ничего не поделаешь.

Мохов. И город стал каким-то другим. В центре маскировочные сети натягивают, окна мешками с песком закладывают, в бойницы их превращают.

Курашова. Неужели в городе воевать будут?

Мохов. Похоже. На работу когда ходил, удивлялся: народу на улицах мало. Только на Смоленском кладбище – оживление. Престольный праздник, видно, отмечался.

Курашова. Был такой на днях.

М о х о в. Так верующие пришли поминать своих с выпивкой, с закусками. А их не пустили, там теперь ополченцев обучают: лечь, встать, коли, шагом марш и прочее.

Так наши верующие и неверующие на лютеранском расположились, благо рядом. На чужих могилах своих почивших поминали.

К у р а ш о в а. Грустно это, да и кощунственно, по-моему.

М о х о в. Я тоже подумал, что нехорошо. А что мы понимаем в этом? Я вот своих отправил, а теперь извелся весь, не зная, что с ними? Поехал бы вслед, да меня к охране склада приписали, и никуда не денешься.

К у р а ш о в а. Да, в чужие края к чужим людям ехать — не приведи господь. Мы для себя решили: из Ленинграда — ни ногой! Пусть увозят матерей с детьми, это правильно. И хорошо, что вы своих отправили.

Из подъезда выходят Сидоров и Евгения Павловна.

С и д о р о в. Передохнул, Авдей Игнатьич? Продолжим?

М о х о в. Да надо сегодня закончить, не оставлять на завтра.

Мохов и Сидоров продолжают работать.

Е в г е н и я П. Спасибо тебе, Соня. Теперь уж я никуда. И дочь дома, и душа на месте. Отдыхай. (Садится рядом

с Курашовой).

К у р а ш о в а. Маша-то как себя чувствует?

Е в г е н и я П. Не жалуется. Но вы же видели ее. Сейчас вот прилегла, отдыхает.

К у р а ш о в а. У меня тоже от сердца отлегло: мои в Новосибирск эвакуируются.

Е в г е н и я П. А что им в Москве-то не живется? Москву-то уж точно не сдадут.

К у р а ш о в а. Да беспокойно там. Люди уже устали от воздушных тревог. Ночи проводят на станциях метро да в бомбоубежищах. И как по расписанию: с 10 вечера до 4 утра. Тревоги эти да светозатемнения все нервы выматывают.

Подходит Архипова, садится рядом с женщинами.

Е в г е н и я П. У нас хоть этого нет. А как там с продуктами?

К у р а ш о в а. Александр Николаевич говорит, мясные продукты отпускают по нормам. Но можно все купить в коммерческих магазинах. Норм на хлеб нет.

Е в г е н и я П. А у нас уже и на хлеб нормы ввели.

А р х и п о в а. На эти нормы грех жаловаться. И в коммерческих можно всегда прикупить, если понадобится.

Е в г е н и я П. Я и не жалуясь. Ленинград, говорят, запаса продуктами на двадцать лет. Где только такую прорву продуктов хранят?

К у р а ш о в а. Город большой, складов хватает. Николай Федорович говорит, мы уже не принимаем те составы с продуктами, что нам предлагают.

А р х и п о в а. Говорите, и Москва эвакуируется?

Е в г е н и я П. Софья говорит. Видать, там порядка больше. А у нас все со скрипом: не хотят люди уезжать. С каждым приходится спорить и чуть ли не ссориться.

А р х и п о в а. Вам-то зачем ссориться? Пусть облеченные властью доказывают свою правоту. И все-таки уезжают, хотя такой переезд равен пожару.

Е в г е н и я П. Выезжают, но в магазинах толчея не уменьшается.

А р х и п о в а. Так это беженцы из пригородов. Возле вокзалов их масса. И что с ними будет? Где и как они устроятся, не имея прописки, трудно даже представить.

К у р а ш о в а. Что и говорить... Из Москвы сколько дорог расходится, а у нас одна осталась, и та ненадежная. Сосед наш, Александр Николаевич, трое суток из Москвы в объезд добирался по какой-то Северной дороге. Но и на ней, говорит, все насыпи изрыты воронками от бомб, особенно он называл Мгу. И разбитых поездов много...

А р х и п о в а. Дороги бомбят и обстреливают в первую очередь.

К у р а ш о в а. И как выезжать людям? Это же опасно!

Е в г е н и я П. А если Ленинград бомбить будут, куда деваться?

К у р а ш о в а. До этого не дойдет, не позволят. Вон аэро-
статов сколько поднимают. И кем надо быть, чтобы красоту
разрушать?

А р х и п о в а. Фашистов это не остановит. У них идео-
логия вандалов. Я это прочувствовала, прячась по лесам.

Е в г е н и я П. Но в городе мирные жители!

А р х и п о в а. Для немецких летчиков мы не люди, а ми-
шени. Они намеренно летают над дорогами и расстреливают
всех движущихся по ним.

Е в г е н и я П. Но если будут бомбить, то лучше уехать.
Я боюсь всякой пальбы, взрывов. Вон опять где-то громых-
нуло...

К у р а ш о в а. Николай Федорович объяснял, что это
пушки пристреливают.

Е в г е н и я П. И не могут подальше от города это делать?

А р х и п о в а. Я вроде стреляный воробей, а и сейчас
страшно.

К у р а ш о в а. Я тоже боюсь. Особенно когда Николай
Федорович на дежурстве. Даже бессонница напала.

Е в г е н и я П. Пока вы здесь разговариваете, пойду по-
смотрю, как раненая моя себя чувствует, не надо ли чего...

К у р а ш о в а. Идите, идите... Я потому здесь и сижу, что
на людях неизвестность легче переносить.

Е в г е н и я П. Спасибо... (уходит).

К у р а ш о в а (Архиповой). Так вы уже прошли крещение
огнем?

А р х и п о в а. Не приведи бог такое проходить. Вспоминать те дни без дрожи не могу.

К у р а ш о в а. И от мужа никаких известий?

А р х и п о в а. Пока никаких.

К у р а ш о в а. Но почта же работает. Не боитесь, что с ним что-то случилось?

А р х и п о в а. Стараюсь об этом не думать. Сам-то он уверен, что доживет до победы и увидит, как Гитлеру шею свернут.

К у р а ш о в а. Эвакуироваться не будете?

А р х и п о в а. Мы с дочкой еще от того выезда не оправились. Но идет такая усиленная агитация, принято столько постановлений, что трудно не поддаться. Жду мужа: с ним решать будем. Ожидание очень угнетает.

К у р а ш о в а. Все чего-то ждем. Я, по совету мужа, с Нового года дневник веду. И надо же – война! Такое событие.

А р х и п о в а. И что записываете?

К у р а ш о в а. Каждый раз мучаюсь, не знаю, что писать. Никаких ярких событий в городе нет, да и о происходящем не все сообщают. Про аэростаты заграждения написала, это уже стало будничным делом. Вот сегодняшняя запись (достаёт тетрадь, читает): «Война продолжается. В садике на Шкиперке дворник Макар Васильевич подрезает кусты акаций и сирени. Это напоминает мирную жизнь. Привезли песок, и дети играют в нем, хотя песок этот не для игры, а тушения возможных пожаров от бомб. Но бомбежек.

пока нет. Вчера удалось купить три килограмма свежей капусты. Хочу ее нашинковать и засолить. Ночь провела отвратительно. Муж был на дежурстве, а мне не спалось. Уснула только под утро и видела странный сон: громадный бор, с корнями вырванные летящие сосны и копающие землю люди. Наслушалась в жилконторе разговоров про окопы...»

Вот... Николай Федорович говорит, что фундаментальных сведений о происходящем мой дневник не содержит. Хочу переписать еще сводку Совинформбюро.

А р х и п о в а. Зачем же переписывать? Оставьте газету, если в ней есть что-то стоящее внимания.

К у р а ш о в а. Может быть, собирать газеты?

А р х и п о в а. Почему бы и нет? Вот только очереди за ними...

К у р а ш о в а. Это меня не смущает. Мы как раз подписались на три месяца.

А р х и п о в а. Ну и берегите их. Потом интересно будет сравнить, что писалось и что делалось. Правда, сообщения в них скудные и уклончивые... И в результате мы ничего не знаем о происходящем. Пользуемся слухами, что приносят нам беженцы и выходящие из окружения ополченцы...

К у р а ш о в а. Вот как раз интересная заметка: «Киев был и будет советским!» Это о митинге в Киеве. На нем единогласно постановили не сдавать город врагу.

А р х и п о в а. Интересней знать, что об этом думают военные.

К у р а ш о в а. Так и военные были на митинге! А у нас будет митинг? Немцы ведь и к нашему городу подбираются.

Мимо женщин проходит Гулин.

К у р а ш о в а. Ефим Дмитриевич, как вы думаете, сегодняшние газеты будут интересны в будущем?

Г у л и н. А где это будущее?

К у р а ш о в а. Думаю, впереди.

Г у л и н. Сомневаюсь...

А р х и п о в а. А как жить и не верить в будущее?

К у р а ш о в а. Разве не о будущем думают, когда детей вывозят на восток? Разве, воюя с немцами, красноармейцы не будущее отстаивают? Вы будто газет не читаете, радио не слушаете.

Г у л и н. И по газетам видно, что положение на фронтах аховое.

А р х и п о в а. Вы так ответственно говорите такие безответственные суждения.

К у р а ш о в а. Нам трудно вас переубедить, но вечером будет собрание. Приходите, там найдутся люди, которые сумеют возразить вам.

Г у л и н. Своим умом проживу.

К у р а ш о в а. С таким настроением жить нельзя. Вы посмотрите вокруг: люди добровольцами идут на фронт. В нашем доме вон сколько ушло: Терентьев из 15-й квартиры,

Петров из 7-й, Маша Сидорова из 3-й, Богданов из 17-й, Малыгин из 35-й. Семен Семенович из военкомата не выходит – добивается отправки на фронт.

Г у л и н. Попробовали бы они не пойти! У всех комсомольские и партийные билеты. А Петров, по-моему, уже дома сидит.

К у р а ш о в а. Да он семью повез к эшелону, в тыл их отправляет.

Возвращается и подсаживается к женицам Евгения Павловна.

Г у л и н. Будто они без него не могли эвакуироваться. Помогли бы другие.

Е в г е н и я П. Ты, Ефим, себя имеешь в виду?

Г у л и н. Может быть.

А р х и п о в а. Да это его долг – позаботиться о семье.

К у р а ш о в а. Он и с передовой только второй день как вернулся.

Г у л и н. И вторично на передовую не торопится. Все были добровольцами, пока пороху не понюхали.

А р х и п о в а. Зачем же вы людей всех подряд порочите?

К у р а ш о в а. Я считала вас более порядочным человеком.

Г у л и н. О какой порядочности можно говорить среди общего беспорядка? По-вашему, надо молчать, когда такое

творится? Я правду хочу до вас донести, но вы слепы и глухи.

А р х и п о в а. Да вы же ничего конкретного тоже не говорите. Какую правду вы несете? И почему думаете, что правда только вам известна?

Г у л и н. Ближайшие дни покажут, кто из нас правдивее.

Е в г е н и я П. Станный ты человек, Ефим. Нельзя так мрачно на все смотреть.

Г у л и н. Розовые очки мне не предлагайте. Мы пожинаем плоды бездарной внешней политики!

А р х и п о в а. Как вы масштабно мыслите! Виновные найдутся, и они ответят перед историей.

Г у л и н. Невелика ответственность, если жизнь они проживут героями.

С и д о р о в. Ты, Ефим, помог бы нам, а с женщинами потом наговоришься.

Гулин присоединяется к работающим Мохову и Сидорову.

К у р а ш о в а. Сам, поди, не верит, когда такое говорит.

А р х и п о в а. Провокационные речи. Он нас проверяет.

Е в г е н и я П. Нам проверка, а себе – приговор? Сомневаюсь.

А р х и п о в а. А чем ему Петров досадил?

Е в г е н и я П. Так Данила Андреич невесту у него отбил. Который год не может успокоиться...

К у р а ш о в а. Антонина Никитична, забыла сказать: Се-

мен Семенович просил тебя быть на собрании.

А р х и п о в а. Надоел он мне хуже горькой редьки с этой эвакуацией. Тут у меня крыша над головой, работа. Учебный год вот-вот начнется, сегодня как раз в школе была. А уеду – что мне там делать?

Е в г е н и я П. Но у тебя же дочка!

А р х и п о в а. И дочку я уже отправляла, больше не хочу.

Е в г е н и я П. Другие-то едут.

А р х и п о в а. Я никого и не отговариваю. Но и меня пусть оставят в покое..

Подходит Иванов, отводит Архипову в сквер.

И в а н о в. Я вижу, вы готовы спорить со всем светом об отъезде. А я умоляю вас: уезжайте, Антонина Никитична! Это диктуется и обстоятельствами, и моим отношением к вам, и вот этим печальным известием.

Иванов отдает Архиповой извещение, она читает.

А р х и п о в а. С такими известиями только палачи приходят к своим жертвам...

И в а н о в. Палачом нынче является война. А мы только почтальоны.

А р х и п о в а. Это какая-то ошибка! Чудовищная ошибка! Я вам не верю!

И в а н о в. Буду рад, если сообщение ложное. Но когда это выяснится?

А р х и п о в а. Он обещал воевать до победы. И он жив! Он вернется!

И в а н о в. Живите с этой верой, живите! Но уезжайте! Это извещение позволит вам оформить все необходимые документы и получить денежное содержание на себя и дочь. Вы сильная, мужественная женщина, и вы все это сделаете.

А р х и п о в а. С чего нужно начать?

И в а н о в. С утра пойдете в военкомат, там все разъяснят и сделают.

А р х и п о в а. Вы мне поможете? Вы пойдете со мной?

И в а н о в. Вас проводит Дарья Михайловна. Она подскажет, где и что делать.

А р х и п о в а. А вы?

И в а н о в. Не обижайтесь: я сам завтра уйду в ополчение. Но мне важно знать, что вы уедете, что будете в безопасности, что мне будет к кому придти после войны.

А р х и п о в а. Не очень удачное время для подобного разговора.

И в а н о в. Другого не будет. И я не требую от вас никакого ответа

А р х и п о в а. Хорошо, что вы это понимаете.

И в а н о в. Замахиваюсь на будущее, но и от моей жизни может остаться только бумажка вроде этой. Кому ее перешлют – вопрос...

А р х и п о в а. Вы о себе или обо мне заботитесь?

И в а н о в. О нас. Вы можете думать иначе. Извините за несвоевременный разговор.

Собираются все жильцы дома.

И в а н о в. Товарищи, прошу всех пройти в помещение.

К у р а ш о в а. А может быть, здесь и поговорим? Не хочется в духоте сидеть.

И в а н о в. Как к этому относятся остальные?

В с е (вразнобой). Мы только «за»!

И в а н о в. Тогда выносите стулья, кому не хватает скамеек. Только потом попрошу занести их обратно.

Собравшиеся выносят из подъезда стулья, садятся в сквере.

И в а н о в. Поближе, товарищи, садитесь, поближе. Представитель горисполкома задерживается, но мы начнем. Повестка дня известна, ничего нового я вам не скажу. Исходя из сложившейся обстановки на фронте, исполком считает необходимым продолжить эвакуацию и в первую очередь вывезти из города недееспособное население и женщин с детьми. Люди уезжают не первый день, но многие противятся выезду, недооценивают ситуацию на фронте.

С и д о р о в. Что ты, Семеныч, пугаешь? Мы от Юденича

не бегали, и от Гитлера не побежим.

И в а н о в. Я никого не пугаю. Государство заботится о сохранении наших производственных мощностей, эвакуирует целые заводы на восток. Но не меньше оно заботится и о людях, отправляя их в области, недоступные для врага. И каждый лично должен подумать о своих близких, о детях и матерях, воспользоваться предоставленной возможностью и отправить их в тыл. Руководители города понимают высокие чувства ленинградцев, их патриотизм, их желание защитить город. Но город может стать фронтом, и наш разговор носит уже не рекомендательный а настоятельный, приказной, если хотите, характер. Готов выслушать ваши возражения.

А р х и п о в а. Наши руководители не обожглись на июльской эвакуации? Почему наши дети оказались брошенными за линией фронта, у немцев?

К у р а ш о в а. Этого не может быть!

А р х и п о в а. Вы там были? А мне пришлось лесными тропами идти в ту деревню, куда завезли детей, и теми же тропами возвращаться.

П о п о в а. Товарищ Архипова преувеличивает: линии фронта там не было, но дороги действительно контролировались немцами.

А р х и п о в а. Ульяна Захаровна, не станете же вы отрицать, что свою дочь я нашла в сарае среди умерших детей? Нашла и выходила. Но чудо дважды не повторяется, а мне предлагают снова куда-то ехать.

П о п о в а. Товарищи, все это я уже объяснила, где надо, могу и вам повторить.

И в а н о в. Сейчас не время выяснять, кто виноват в той истории.

А р х и п о в а. Как это не время? Вы настаиваете на нашем отъезде, а где гарантии, что мы не окажемся у немцев?

П о п о в а. Антонина Никитична справедливо обвиняет меня. Но войдите и в мое положение: нас двоих отправили с сотней малолетних детей в район, где нас не ждали. И что мы, двое взрослых, могли сделать? Как усмотреть за каждым? В первую ночь спали вповалку в одной избе. А я с председателем колхоза ходила по дворам, выпрашивая у хозяев посуду, чтобы в чем-то завтрак детям сварить. Готовили в четырех домах, детей разместили в десяти. А потом немцы стали бомбить эту деревню...

Е в г е н и я П. Какой ужас!

П о п о в а. Не знаю уж, откуда матери узнали об этом ужасе, только большинство приехали и забрали детей. Моя напарница тоже уехала – у нее своих трое было. С двумя десятками детей я осталась одна. Спасибо Антонине Никитичне: она оставалась со мной до возвращения в город.

И в а н о в. Откуда взялись мертвые дети?

П о п о в а. Дети ели всякую зелень – в садах, в огородах. Началась дизентерия. Врача не было ни с нами, ни в деревне. Три мальчика умерли. У Люды Архиповой тоже был понос.

И в а н о в. Как же после этого матерям в глаза смотреть?

П о п о в а. Я знаю, что всегда виноват стрелочник. Но я тоже мать, и мой ребенок тоже мог умереть. А когда воздух ревет и земля содрогается, как детей успокоить? Я за живых страху натерпелась.

И в а н о в. Но три человека все-таки на вашей совести...

П о п о в а. Мою совесть в Большом доме проверили...

И в а н о в. Да что в прятки играть? Вы про Любытино говорите, а что в Едрово произошло, знаете? Там две тысячи детей скопилось, когда немцы налет сделали. Там сколько жертв? Они на чьей совести?

А р х и п о в а. Поэтому лучше дома сидеть, чем куда-то ехать...

И в а н о в. Нет, товарищи,.. Та эвакуация была ошибкой. Никто не предполагал, что враг окажется в Ленинградской области. Поэтому и вывезли детей в дачные районы, в пионерские лагеря и в ближайшие деревни.

П о п о в а. Безалаберность и некомпетентность вопиющие! Вроде немалые посты люди занимают, а делают глупости, до которых простым людям не додуматься.

И в а н о в. Ошибки учтены, и дети теперь эвакуируются с матерями. Уезжайте, дорогие женщины, увозите детей, чтобы у ваших защитников на фронте душа не болела за вас.

П о п о в а. Вообще-то из города уже третий раз эвакуируются. И мне довелось видеть одну сценку. Из Эрмитажа вынесли и грузили на машину скульптуру французского философа Вольтера. И мне показалось, что при свете солнца

он улыбнулся и этой улыбкой сказал: «Не печальтесь, я вернусь». И я поверила, что беда пройдет и уехавшие вернуться.

И в а н о в. Наконец-то хоть один человек меня поддержал. Действительно, все уже было, и это тоже должно облегчить ваш отъезд. Эвакуация идет и из других городов...

П е т р о в. Чтоб в случае бомбардировок и обстрелов избежать жертв среди населения.

И в а н о в. Надеюсь, после сказанного возражений не будет. Как говорится, вынести вещи из дома легче до пожара.

П о п о в а. Да люди-то – не вещи.

И в а н о в. Можно перефразировать эту мудрость применительно к людям: дом лучше покинуть до пожара.

С и д о р о в. А как понимать пожар? Мы должны уехать, а город сдадут немцам?

И в а н о в. Не надо передергивать, Макар Васильевич. О сдаче города никто не говорит и не думает.

Г у л и н. Не говорят... Только окна Фрунзенского универмага в бойницы превращают. В городе драться собираются? А уличные бои равнозначны разрушению города и его сдаче.

П е т р о в. Универмаг смотрит на Обводный канал, а канал – один из естественных рубежей обороны. Дойдет до него дело или нет – вопрос. Думаю, что противника остановят раньше.

И в а н о в. Мы собрались не оборону города обсуждать. Мы должны договориться об эвакуации женщин с детьми.

П о п о в а. Не насильно же людей отправлять!

И в а н о в. Я готов и на это, но хочу убедить вас в необходимости добровольного выезда. В первую очередь матерей с детьми.

С и д о р о в. А мы против, потому что без нас город могут сдать.

И в а н о в. Еще раз повторяю: этого в мыслях ни у кого нет!

Г у л и н. То вы говорите, что ничего не знаете, то за чужие мысли готовы поручиться!

И в а н о в. Я просто уверен в решимости всех ленинградцев защищать город.

Г у л и н. Вы уверены, а руководство в растерянности. Иначе чем объяснить, что даже по поводу эвакуации приняты два совершенно разных решения?

И в а н о в. Первое решение было ошибочным, я уже говорил.

Г у л и н. Но такие ошибки дорого обходятся людям!

И в а н о в. Не сейте панику!

Г у л и н. В райсовете и сейчас грозят отобрать у сопротивляющихся эвакуации паспорта и лишить их жилплощади.

И в а н о в. До такой глупости дело не дойдет...

Г у л и н. Почему же никто из руководства не соизволил поприсутствовать здесь?

К у р а ш о в а. Если там растерялись, так нас могли бы спросить. Вон в Киеве всех на митинг собрали, чтоб люди высказались. И все единогласно решили город не сдавать.

И в а н о в. Митингами на войне ничего не решается. И Киев оставлен.

Евгения Павловна уходит в подъезд и возвращается.

Е в г е н и я П. Семен Семенович, вас к телефону просят.

И в а н о в. Извините, товарищи... Отдохните немного. (уходит).

Г у л и н. Вот и руководство объявилось. Сейчас по телефону проинструктируют, что говорить, а правды все равно не скажут.

П е т р о в. Правда на поверхности лежит: враг умеет воевать – два года по Европе не зря маршировал – а мы только учимся. Немецкая армия вооружена и отобилизована, а мы еще приходим в себя после неожиданного вторжения.

Г у л и н. И пока приходим в себя, учимся да вооружаемся, война кончится.

П е т р о в. Это немцы делают ставку на блицкриг. Но они историю свою забыли, и нас явно недооценивают. Они даже не представляют, в какую авантюру пустились.

М о х о в. Да им до победы – один шаг!

П е т р о в. Это только кажется. Враг даже не осознает, что оказался на горящем торфянике. Кому доводилось видеть такой пожар?

С и д о р о в. Пришлось как-то...

П е т р о в. Остальным поясню... Поверху – только ды-

мок и тонкий слой обуглившегося торфа. А под ним – огненная бездна. Достаточно одного шага, чтобы провалиться в это пекло и погибнуть.

С и д о р о в. Могу подтвердить, был свидетелем.

Г у л и н. Сравнение – скользкая вещь.

П е т р о в. Это не сравнение. Это положение немецкой армии на нашей земле. Кто из нас согласится быть рабом после двух десятилетий свободы?

А р х и п о в а. Как можно предположить такое?

П е т р о в. Слышишь, Ефим? Если не мы, так женщины пополнят солдатские ряды на передовой. И не мной сказано: «Народ, века не видевший на своей земле иноземных работодателей, не согласится терпеть их и впредь». Кутузова слова.

Г у л и н. Мы не на уроке истории!

П е т р о в. Сегодня мы и ученики, и творцы истории. Приведу еще один пример. Посланец Наполеона граф Нарбонн был уполномочен убедить императора Александра I прикнуть к континентальной блокаде Англии. Убедить не удалось, и Наполеон двинулся на Москву. Это известно. Но любопытен ответ императора графу: «Я знаю, в какой мере император Наполеон великий полководец, но на моей стороне пространство и время. Я не начну войны, но и не положу оружия, пока хоть один неприятельский солдат будет оставаться в России».

С и д о р о в. Хорошо сказано.

М о х о в. Сам-то царь не воевал?!

П е т р о в. Царь выразил свою волю, и она совпала с волей народа. А воевать должна армия и ее военачальники. И они были. Это и Кутузов, и Барклай де Толли, и Багратион. В Эрмитаже целая галерея военачальников, героев 1812 года.

П о п о в а. Даниил Андреевич, браво!

П е т р о в. В воздух чепчики бросать пока рано. Если сказанное не подкрепило веру в нашу победу, простите.

Г у л и н. Все это цитаты и громкие слова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.